

Пролог

Позвольте, я расскажу о своей профессии. Перво-наперво в нашем деле не обойтись без трупа.

В полутемной аудитории витал странный запахок. Мне пришлось вытащить из жилетного кармана платок и зажать нос. Я быстро сообразил, что это может быть. Не запах университета, а запах мертвого тела. В центре лектория восьмиугольной формы возвышался патологоанатомический стол, а рядом с ним стоял наш профессор с газовой лампой и настраивал механизм загадочного назначения. Мы с приятелем Уэйкфилдом вошли в аудиторию, заняли места на одном из рядов, что восемью секциями окружали профессора и стол, и стали ждать остальных вольнослушателей.

— Как думаешь, это... — прошептал мне на ухо Уэйкфилд, указывая в центр зала. Там, вне всякого сомнения, лежал накрытый белой простыней труп. Эти бранные останки, материал сегодняшней лекции, привлекали взгляды всех студентов. Как только профессор убедился, что все в сборе, он вытащил старый добрый

Кэйкакү Ито, То Эндзё

«люцифер»*, чиркнул им об угол стола и зажег газовую лампу. К витающему по аудитории тлетворному запаху примешались едкие нотки горящего фосфора и газа. Профессор прочистил горло и сказал:

— Сразу уточняю. Материал для занятия заготовлен свежайший. Думаю, вы все слышали о скандале, который разразился вокруг Кембриджа. Так вот, знайте: в Лондонском университете таких историй не бывает. Будьте любезны учиться прилежно и держаться с подобающим достоинством.

— Ну-ну, — хихикнул Уэйкфилд, но от тяжелого взгляда профессора сжался, точно кролик. Вечно ему надо ляпнуть, а мне, его ближайшему товарищу, потом выкручиваться! Я протеже профессора Сьюарда, мне не с руки пятнать репутацию.

— Прикуси язык, дурак! — толкнул я своего приятеля, которому явно недоставало такта, в бок. Уэйкфилд только пожал плечами.

Нет, оно, конечно, понятно — над таким занудой, как профессор, грех не посмеяться. Об этой новости уже кто только не написал: от уважаемых изданий типа «Таймс» до газетенки вроде «Дейли Телеграфа», которым грош цена. Речь шла о скандальном анекдоте: один профессор в Кембридже прикупил мертвое тело для своих экспериментов у расхитителя могил. Трупы нынче в дефиците, и многие исследователи, наверное, сочувствуют оконфузившемуся коллеге. Никто не спорит, рост свободной экономики напрямую зависит от рынка мертвецов, но пригодные тела не бесконечны, да и получить на материале штамп одобрения

* «Люцифер» — первая марка спичек, получившая свое название за эффективность и выделение большого количества дыма. В них используется белый фосфор, в отличие от привычного нам красного (здесь и далее — прим. переводчика и лит. редактора).

ИМПЕРИЯ МЕРТВЕЦОВ

от духовенства — та еще задачка. Короче говоря, от роста спроса количество смертей не повышается, что бы там ни завещали нам отцы экономического либерализма.

— Читал? Вчера в «Дейли Телеграфе» писали... — не унимался Уэйкфилд.

— Чего еще? — огрызнулся я.

— Одна вдова прогуливалась по Пикадилли, а тут бац — ее муженек, который второго дня Богу душу отдал, на козлах сидит, омнибусом правит. Удивилась, бедняжка. Она-то была уверена, что он покоится себе в могиле.

— Хочешь сказать, его зафранкенштейнили без прижизненного согласия?

— В точку! Лорд-мэр говорит, что с мертвыми в Британии до сих пор полный кавардак.

— Все так плохо?

— Судя по сводкам Скотленд-Ярда, количество дел по факту хищения тел возросло на шестьдесят процентов по сравнению с прошлым годом.

Я вздохнул. Спрос на трупы растет, а мы все топчемся на месте. Чтобы собрать больше урожая, увеличивают площадь засева, чтобы получить больше масла — популяцию скота, но с мертвыми все не так просто. Подданные Ее Величества не «произведут» больше трупов за год, если только не разразится какая-нибудь эпидемия.

— Я слышал, уже появились кладбища с круглосуточной охраной. Представляешь, работенка? Сидеть ночью среди могил, — театрально вздрогнул Уэйкфилд. — Ужасно.

— А ты что, привидений боишься? — спросил я, и мой друг покачал головой.

— Нет, духов хотя бы изучать интересно. А вот всякие вурдалаки и оборотни...

— Нет, ты положительно безнадежен.

Кэйкаку Ито, То Эндзё

— Уэйкфилд! — прикрикнул лектор, и мы с Уэйкфилдом замерли на своих местах. Профессор раздраженно ткнул в нас указкой. — Если вам есть что сказать по делу, спускайтесь ко мне и поделитесь с аудиторией! Может, расскажете нам про духовную эссенцию?

— Ч-что вы, профессор! Я нижайше прошу прощения.

— Тогда позвольте уж мне!

Профессор Сьюард откинул простыню с патологоанатомического стола, выставляя на всеобщее обозрение, как и обещал, чистейший и свежайший, без единой царапины, обнаженный труп. На вид я бы дал бедолаге лет тридцать пять, и, судя по отсутствию ранений, скончался он от болезни.

Тело, утратившее духовную эссенцию... иными словами, которое оставила душа, не лишено своего рода жемчужной красоты. Пока его не покинула жизнь, этот труп был человеком, а после смерти превратился в неодушевленный объект... То есть все не так просто, но на подобных невредимых телах эта разница ощущается острее. До своей гибели жизнь скрывала под телесной оболочкой красоту тонко и сложно функционирующего механизма, образованного переплетением костей и сухожилий. Обнаженную вещьественную красоту.

— Ватсон, сможете ответить, что отделяет живых от мертвых? — спросил профессор, и я спокойно откликнулся:

— Наличие или отсутствие духовной эссенции.

— Именно так, наличие или отсутствие духовной эссенции. Известной в простонародье как душа. Экспериментальным путем установлено, что масса мертвого человеческого тела отличается от живого на три четверти унции*. Именно это значение считают массой духовной эссенции.

* Ок. 21 грамма.

ИМПЕРИЯ МЕРТВЕЦОВ

Профессор направил указку на тщательно выбритую голову кадавра. На обнаженном черепе нацарапали френологическую карту по методу Галля и в разные зоны воткнули иглы. К ним, в свою очередь, крепились провода, пучками уходящие к дьявольской машине — Внедрителю Духа, который передает мертвому телу искусственную душу, — и питающие его энергией из гальванического элемента Лекланше*.

— Сегодня я имею честь представить вам ведущего специалиста в области изучения духовной эссенции и бывшего наставника вашего покорного слуги, профессора из Амстердамского университета. Он прочтет лекцию, и я верю, что она подстегнет ваши умы и станет прекрасной основой для будущих изысканий... Прошу вас, профессор.

— Благодарю, Джек, — раздался голос из коридора.

В лекторий вошел ученый весьма крепкого телосложения, лет шестидесяти на вид. Он обворожительно улыбался, но взгляд — пронзительный, без тени улыбки. Он подошел к профессору Сьюарду прямо с тростью и в цилиндре.

— Позвольте представиться. — Протянув цилиндр бывшему ученику, он обернулся к аудитории. — Хельсинг, профессор Абрахам Ван Хельсинг.

— А он разве не по вампирам специалист? Вот не думал, что у нашего Сьюарда такие учителя! — прошептал мне заядлый сплетник Уэйкфилд, и я только вяло покачал головой:

— Он изучает фольклор. Давай обойдемся без желтой прессы!

— Ничего не знаю, в «Дейли Телеграфе» его называют «охотником на вампиров»!

* Элемент Лекланше — достаточно мощный и дешевый химический источник электрического тока, изобретенный французским физиком Жоржем Лекланше (1839–1882) в 1865 году.

Кэйкакү Ито, То Эндзё

Профессор Сьюард бросил в нашу сторону яростный взгляд и громко прочистил горло. Я с упреком ткнул Уэйкфилда под ребра.

— Я имею честь занимать должность почетного профессора в Амстердамском университете. Находятся индивиды, которые приписывают мне степень в вампирологии и прочих странных науках. — Профессор оглядел студентов с вежливой улыбкой. — Но разумеется, диссертацию я защитил по психиатрии. В область моих научных интересов входит также и духовная эссенция. Статьи, посвященные сказаниям о вампирах, — это своего рода ответвление от моих основных занятий. Что ж! — Профессор Ван Хельсинг похлопал труп по голове, испещренной рабочими установками. — В сером веществе, сиречь мозгах, внутри этой черепной коробочки сейчас ничего нет. То есть нет никакой духовной эссенции. В момент смерти три четверти унции души покидает тело. Ответьте мне, кто установил, что духовная эссенция — основа жизни человека в общепринятом смысле? Вот вы, пожалуйста!

Профессор Ван Хельсинг, должно быть, наметил жертву еще в ту секунду, когда его младший коллега сделал замечание Уэйкфилду, и трость указала на моего друга. Тот явно не ожидал такой напасти и вздрогнул всем телом. Отчаянно повертел головой и покосился на меня.

Поделом, приятель!

— Ну, э-э-э, так Франкенштейн же?

— И это все? Ответ, недостойный воспитанника Лондонского университета! — съязвил Ван Хельсинг. Уэйкфилд вжал побагровевшую голову в плечи и смиренно снес насмешку. Я знал, что он сам навлек на себя эту кару, но все же невольно посочувствовал приятелю. И поднял руку, спрашивая разрешения ответить.

ИМПЕРИЯ МЕРТВЕЦОВ

— Давайте, сосед... Как вас зовут?.. В общем, отвечайте.

— Джон Х. Ватсон, — спокойно представился я и продолжил: — Считается, что идеологический фундамент этого понятия — «эссенция души» — заложил в прошлом веке доктор медицины Франц Месмер, выдвинув гипотезу «животного магнетизма». Таким образом, теорию разработал немецкий ученый Месмер еще до того, как Франкенштейн создал свое Чудовище.

— Совершенно верно. Сьюард, сдаётся мне, Ватсон — прекрасный студент! — похвалил Ван Хельсинг, что мне, признаюсь честно, польстило.

Вы можете подумать, что я потешил свое самолюбие за счет друга, но мне показалась нестерпимой мысль, что всех студентов Лондонского университета будут судить по мерке Уэйкфилда.

— С древнейших времен бесчисленные ученые бились над научным объяснением души. Многие полагают, что учение о духовной эссенции поставило в этом вопросе точку, но важно помнить, что к его разработке привело положение о животном магнетизме. К слову, если покопаться в записях, которые оставил после себя в Ингольштадте* сам Франкенштейн, можно обнаружить, что он прекрасно знал работы Месмера. Среди историков науки уже давно принято считать, что свои идеи Франкенштейн позаимствовал именно у него.

Студиозусы зашуршали перьями. Мы с Уэйкфилдом тоже вытащили из саквояжей тетради и бросились нагонять профессора Ван Хельсинга.

* Ингольштад — город в Баварии (Германия), где в 1472 году был открыт старейший Ингольштадский университет. Закрылся в 1800 году.

Кэйкакү Ито, То Эндзё

— В честь профессора Месмера его учение о животном магнетизме иногда еще называют месмеризмом. Оно гласит, что в каждом животном имеются тысячи каналов с курсирующей по ним жизненной энергией. Современная наука уже отказалась от этой концепции в пользу фаз, алгоритмов и феноменов, проистекающих в мозгу согласно учению о духовной эссенции. Но Франкенштейн в своей лаборатории в Ингольштадте развивал именно эти идеи, а понятие духовной эссенции породил в процессе, обнаружив, что она исчезает из организма в момент смерти, и позже придумал внедрять псевдоэссенцию в опустевший мозг.

— Но ведь животный магнетизм уже один раз опровергли? — спросил я.

— Вы неплохо осведомлены. Пожалуй, Сьюард может гордиться учениками, — кивнул профессор Ван Хельсинг, а профессор Сьюард неопределенно взмахнул рукой. Он меня высоко ценил. — В 1784 году король Людовик XVI основал комиссию из академиков науки, чтобы проверить теорию магнетизма, и ученые пришли к выводу, что она ошибочна. Это произошло за несколько лет до того, как Франкенштейн создал Чудовище в Ингольштадте. В наше время учение о животном магнетизме Месмера вновь обрело ценность как концепция, предшествовавшая разработке понятия духовной эссенции. А для современников ей недоставало клинической обоснованности... Ну что ж, а давайте-ка и мы попробуем внедрить псевдоэссенцию в труп.

Сьюард стал прилаживать в считыватель установочной машины, Внедрителя, перфокарту с выбитой на ней новейшей стандартной моделью Кембриджской Лаборатории Духовно-Эссенциальных Исследований. Считается, что эта система самая устойчивая из всех, которые вдыхают новую жизнь в мертвые тела. Ее создали на основе анализа бесчисленных моделей поведения, просчитанных Аналитическими

ИМПЕРИЯ МЕРТВЕЦОВ

Вычислительными Машинами, или АВМ. Когда карта встала на место, профессор Ван Хельсинг опустил особый рычаг на боковой панели Внедрителя. От элемента Лекланше пошел ток, Внедритель списал с перфокарты данные о модели и передал всю информацию в мозг через иглы в черепе.

— С тех пор как появились батареи Лекланше, проблема электроэнергии наконец нашла стабильное решение! — растроганно проворковал профессор Ван Хельсинг, пока мертвая плоть наполнялась искусственной душой. — Вот во времена моей юности приходилось из кожи вон лезть. К слову, Ватсон, вы знаете, как работает это устройство?

— На положительном полюсе — смесь диоксида марганца и углерода, на отрицательном — цинк. В качестве электролита выступает хлорид аммония, — без запинки отрапортовал я, и Ван Хельсинг восторженно воскликнул:

— И в химии разбирается! Во времена Франкенштейна батареи еще только-только начинали разрабатывать. Гальвани собрал первый элемент в 1791 году, почти сто лет назад. Остается только поражаться, каких трудов стоило раньше внедрять псевдоэссенции в этих бездыханных... Сьюард, не пора?

— Пожалуй.

Профессор Ван Хельсинг хмыкнул и щелкнул пальцами у мертвого уха. Студенты затаили дыхание и смотрели во все глаза. Никто из них, включая и меня с Уэйкфилдом, ни разу не видел воочию, как франкенштейнят трупы. Рядом кто-то судорожно сглотнул. Сам я и вовсе не дышал.

И тут покойник открыл глаза.

— Ох! — подпрыгнул Уэйкфилд.

Труп и сам казался озадаченным своим воскрешением. Он уставился в пространство пустыми глазами, словно пытался понять, занесло ли его в ад или рай.

Кэйкакү Ито, То Эндзё

У нас на глазах мертвый восстал из могилы.

Так спокойно, будто такой порядок и положил Господь.

Нельзя сказать, что к нему вернулась жизнь. Нет, перед нами был труп, который работал по алгоритмам внедренной в него псевдоэссенции. Но все равно! Только что он лежал совершенно бездыханный — и тут вдруг снова обрел способность двигаться. Мне по позвоночнику как будто полоснули ледяным ножом, и вместе с другими студентами я не мог побороть отвращения от этой неестественной картины.

Еще сто лет назад, в конце XVIII века, считалось, что жизнь вернется к мертвым лишь в час Последнего суда. Но теперь это не так. Сразу после смерти покойнику тоже найдется довольно работы.

— Мы внедрили нашему покойнику стандартный многофункциональный Кембриджский движок. Рабочим франкенам, которых используют на производстве, поверх этого алгоритма в соответствии с потребностями записывают дополнительные коды. Например, кучера, дворецкого... И конечно, профессионального рабочего. Встань! — велел Ван Хельсинг, и покойник слез со стола и вытянулся рядом по стойке смирно. — С развитием френологии мы расчертили довольно подробные карты мозга. Новейшие разработки в этой области позволили создать более естественные модели для псевдоэссенций и сделать движения франкенов намного точнее. Хотя, конечно, даже для отдаленного сходства с живыми людьми потребуется еще не меньше века... Иди!

Покойник сделал шаг, и в его походке не было и капли той естественности, что есть у нас. Он двигался неуклюже и слишком сдержанно — словом, походкой франкена. Как будто находился под водой. Губы профессора Ван Хельсинга тронула ироничная усмешка:

— Скоро стукнет сто лет с тех пор, как Франкенштейн оживил своего первого покойника... и вот предел наших до-